

БЕРЛИН НАЧАЛА 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА В ВОСПРИЯТИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

© 2012 Н.Т.Рымарь¹, С.В.Сомова²¹Самарский государственный университет²Самарская государственная областная академия (Наяновой)

Статья поступила в редакцию 19.04.2012

Психологический комплекс границы, рамы и порога в восприятии русскими эмигрантами Берлина начала 20-х гг. XX века: благоприятная атмосфера для жизни и деятельности эмигрантов и их стремления покинуть Берлин.

Ключевые слова: Психология восприятия границы, чужая культура, русский Берлин, сохранение культурной идентичности, порог, рама.

Мы исходим из того, что любые явления культуры так или иначе связаны с проблематикой восприятия и конструирования целостной картины мира, так как культура, понятая как форма бытия человека, есть реализация определенных ценностных отношений в предметно-вещественном мире и мире форм поведения, устройства форм жизни, повседневного быта, форм общения людей в различных сферах их деятельности. Культура – это и опредмеченные символические смыслы с заданными индивидам способами их сознательного или бессознательного восприятия, прочтения, и это, следовательно, определенные установки восприятия, понимания и оценки.

Восприятие чужой культуры позволяет познать границы как чужой, так и своей культуры, ситуативно обусловленные конкретными, эмпирически определяемыми различиями между тем, кто конкретно воспринимает, какой культуре, социальной группе, какой сфере деятельности он принадлежит, в каких для него обстоятельствах происходит восприятие «другого» и что конкретно в данной культуре становится доминирующим для него предметом восприятия. Эти моменты создают определенную раму восприятия, регулиующую понимание и оценку.

Русские эмигранты начала 20-х годов в Берлине были, как известно, интеллектуальной элитой русского общества – писатели, философы, религиозные мыслители, художники, искусствоведы, критики, журналисты, профессора, оставившие в культуре дореволюционной России яркий след. Среди литераторов, оказавшихся в Берлине в начале 20-х, назовем

В.Набокова, В.Андреева, М.Цветаеву, Б.Зайцева, В.Ходасевича, А.Ремизова. Помимо эмигрантов-одиночек берлинскую колонию в 1922 году пополнили философы и литераторы, высланные из Москвы и из Петербурга (так называемый «философский пароход»). Среди них были Ю.Айхенвальд, М.Осоргин, Н.Бердяев, Б.Вышеславцев, И.Ильин, Ф.Степун. Все были высокообразованными людьми, прекрасно знавшими и высоко ценившими западную культуру и искусство, немецкую философию, поэзию, музыку. Однако для их восприятия Берлина определяющим моментом была ситуация потери родины, кризисное ощущение выброшенности в не свой, чужой мир, стремление не потерять свою идентичность. Эта ситуация с неизбежностью определяла психологическую раму восприятия Берлина – города относительно знакомого, но теперь ставшего чужим.

Оказавшись в Берлине, часто стесненные в средствах, они были озабочены поисками относительно близкой им городской и общественной среды, жилья, хоть в какой-то мере отвечающего их привычкам и представлениям о нормальной жизни и возможностям творческой деятельности, кроме всего прочего позволявшей не потерять себя. Что касается городской среды, то ею оказался прежде всего фешенебельный район улиц Курфюрстендамм, Фазаненштрассе, Пассауерштрассе, в котором эмигранты снимали комнаты в пансионах, каждодневно сталкиваясь с особенностями немецкого мещанского быта, который вызывал у них раздражение и тоску. Берлин ни у кого не вызывал мысли о столице культурной жизни, они видели его серыми некрасивым, аскетичным. «Скучный, чужой город»¹ – никак не столица искусств: «в чуждой среде мы не могли не чувствовать себя инородным телом, в особенности по мере того, как из

⁰ Рымарь Николай Тимофеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы. E-mail: Nikolaj.Rymar@gmail.com
Сомова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, зав.кафедрой теории и практики связей с общественностью, декан факультета международных отношений. E-mail: ntrymar@mail.ru

¹ Набоков В. Путеводитель по Берлину // Набоков В. Собрание сочинений в четырех томах. – Т. 1. – М.: 1990. – С. 340.

гостей, к которым любезные хозяева стараются примериться и угождать, мы превращались в сожителей, цыганским наклонностям коих все настойчивей противопоставлялись в повседневном быту заскоруждые традиции, закоренелые обычаи и навыки...»². Берлин был для эмиграции суровой границей, отделявшей от прошлого, серой рамой, замыкавшей мир изгнанных; отчасти поэтому он воспринимался как временное пристанище, порог, на котором эмигранты остановились в ожидании другого – это лишь порог, переступив который, можно было начать новую жизнь. Никаких контактов с художественной жизнью Германии поэтому не устанавливалось, никакого «слияния культур» не было, «русский Берлин» существовал относительно автономно от немецкого. Но все же «мачеха российских городов» (так назвал Берлин Ходасевич) оказалась родственным, помогающим выжить существом.

Типичное состояние для пограничья – уже чужое, но сохраняющее что-то свое, родное, не закольцовывающее тебя, дающее право смены местоположения. Двойственность с элементами и своего, и другого, идентичность воздуха свободы, что необходимо для развития культуры, сохранения своей идентичности. Так и в творческой рефлексии.

Набоков, например, как справедливо отмечает К.Шлегель, «возможно, и не любил Берлин, но город, несомненно, был тем горизонтом, на фоне которого обретали плоть и действовали его персонажи»³. В «Машеньке» «сюжет романа построен в виде нестрогой рамочной конструкции, где вложенный текст – воспоминания героя, относящиеся к дореволюционному времени и периоду гражданской войны (время воспоминания T0) – перемешан с обрамляющим – жизнь героя в Берлине за конкретный промежуток времени, от воскресенья до субботы, весной 1925 (скорее всего) года (романное время T1)»⁴. Подобная композиция произведения отражает ситуацию положения русских в Берлине – ты в определенной раме, из которой стремишься вырваться, но это еще не ограничивающая твою свободу в будущем рама Парижа, за которой возможна только смерть. Раму берлинской эмиграции еще можно переступить, за ней, как за порогом, видится другой мир – больших возможностей и надежд – тот же Париж.

В «Даре» «Набоков пользуется не только своим личным и литературным опытом, но и впечатлениями от жизни, которую он наблюдал вокруг. Ни в одном из своих произведений он не воссоздает с такой скрупулезностью, как в «Даре», городские парки и площади, конторы и магазины, автобусы и трамваи, жизнь и нравы города. Разумеется, Берлин Федора – это странный Берлин русской эмиграции, главным образом эмигрантский литературный Берлин: вечера, литературные чтения, соперничество, рецензии, мелкие интриги в Союзе русских писателей и журналистов»⁵. Но и здесь исчезнувший мир русской литературной эмиграции нельзя восстановить в реальности – его восприятие не только двоимирно, но и театрально, то ли сказка, то ли зазеркалье, как все чужие миры, что русская Прага, что русский Париж, что русский Берлин.

В «Путеводителе по Берлину» автор сохраняет осколки незатейливых впечатлений от ежедневных будней немецкой столицы, для памяти. В рассказе «Письмо в Россию» герой испытывает тоску по оставленной Родине⁶, как герой Достоевского, одиночество свое выражает через описание ночного города, определенно, Берлина, поэтически выраженная грусть. Но этот двойник мечтателя Достоевского счастлив в этих своих созерцаниях, может быть, от свободы, выраженной через предметы, в любовании ими⁷.

⁵ Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография. – М.; СПб.: 2001. – С. 540.

⁶ «Друг мой далекий и прелестный, стало быть ты ничего не забыла за эти восемь с лишком лет разлуки, если помнишь даже седых, в лазоревых ливреях, сторожей, вовсе нам не мешавших, когда, бывало, морозным петербургским утром встречались мы в пыльном, маленьком, похожем на табакерку, музее Суворова, как славно целовались мы за спиной воскового гренадера! А потом, когда выходили из этих старинных сумерек, как обжигали нас серебряные пожары Таврического сада и бодрое, жадное гаканье солдата, бросавшегося по команде вперед, скользившего на гололедице, втыкавшего с размаху штык в соломенный живот чучела, посредине улицы. Странно: я сам решил, в предыдущем письме к тебе, не вспоминать, не говорить о прошлом, особенно о мелочах прошлого; ведь нам, писателям, должна быть свойственна возвышенная стыдливость слова, а меж тем я сразу же, с первых же строк, пренебрегаю правом прекрасного несовершенства, оглушаю эпитетами воспоминание, которого коснулась ты так легко». (Набоков В. Собрание сочинений: В четырех томах. – Т. 1. – М.: 1990. – С. 306).

⁷ «Ночью я выхожу погулять. В сыром, смазанном черным салом, берлинском асфальте, текут отблески фонарей; в складках черного асфальта – лужи; кое-где горит гранатовый огонек над ящиком пожарного сигнала, дома – как туманы, на трамвайной остановке стоит стеклянный, налитый желтым светом, столб, – и почему-то так хорошо и грустно делается мне, когда в поздний час пролетает, визжа на повороте, трамвайный вагон – пустой: отчетливо видны сквозь окна освещенные

² Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. – Париж: 1979. – С. 52 – 53.

³ Шлегель К. Восприятие города: Набоков и таксисты // Культура русской диаспоры: Владимир Набоков-100. Материалы научной конференции. Таллин-Тарту, 14 – 17 января 1999. – Таллин: 2000. – С. 109.

⁴ Левин Ю. Заметки о «Машеньке» В.В.Набокова // Russian Literature XVIII (1985). – Amsterdam. – С. 22.

Обитая во многих немецких пансионах, а за 14,5 лет жизни в Берлине Набоков их сменил около десятка, писатель иногда оказывался, совпадал, правда, не всегда по времени, по тем адресам, по которым уже жили Эренбург, Цветаева, Зайцев, Пастернак. Эти улицы, дома, отраженные в причудливой мозаике набокковского письма, в его двоимирном изображении складывались в город Набокова, которым нет любования, в образы горожан, к которым нескрываемое презрение⁸.

Итак, у Набокова очевидна воля к сохранению своей культурной идентичности в чуждой среде, где среда воспринимается как агрессивная рама, вызывающая внутренний протест, не допускающий объективного, уравновешенного восприятия другого. Другое переживается как чужое. Сопrotивление раме социально-культурной среды порождает желание вырваться, возникает психологический комплекс порога, ситуации временности, ожидания, надежд на другое, поиска путей за пределы этой жизни – найти Россию в другой стране.

Для Цветаевой тоже, – Берлин – рама, но гораздо более драматичная – ведь Германия для нее духовная родина. В ее письмах, дневниках, воспоминаниях много о Германии. И всегда – с пиететом (о Гете, Беттине Brentano), с ревностной любовью (о Рильке), с трогательным восторгом – о Шварцвальде. Германия детства, Германия юности, Германия зрелости. Музыка, душа, поэзия – излюбленные цветаевские эпитеты, приготовленные для Германии, и во всех – любовь. Германия все и вся собою перевесила, победила. Слишком миф, чтобы развоплотиться, слишком душа, чтобы умереть, слишком собственное «я», чтобы разочаровать (в себе не разочаровываются). И эта родина угне-

коричневые лавки, меж которых проходит против движения, пошатываясь, одинокий, словно слегка пьяный, кондуктор с черным кошельком на боку». (Там же. – С.305 – 306.)

⁸«Он спускался на песчаный бережок озера и тут, в грохоте голосов, ткань очарования, которую он сам так тщательно свил совсем разрывалась, и он с отвращением видел измятые, выкрученные, искривленные норд-остом жизни, голые и полураздетые – вторые были страшнее – тела купальщиков (мелких мещан, праздных рабочих), шевелившихся в грязно-сером песке». (Набоков В. Дар. – М.: 1999. – С.315 – 316.) «Серые, в наростах и вздутых жилах, старческие ноги, какая-нибудь плоская ступня и янтарная, туземная мозоль, розовое, как свинья, пузо, мокрые, бледные от воды, хриплоголосые подростки, глобусы грудей и тяжелые гузна, рыхлые, в голубых подтеках, ляжки, гусиная кожа, прыщавые лопатки кривоногих дев, крепкие шеи и ягодицы мускулистых хулиганов, безнадежная, безбожная тупость довольных лиц, возня, гогот, плеск – все это сливалось в апофеоз того славного немецкого добродушия, которое с такой естественной легкостью может в любую минуту». (Там же. – С. 316).

тает, отсюда ситуация двойственности, переживание смятения. В результате, Берлин Цветаевой переживается как зона временного пребывания, жизнь на пороге. Отрицание Германии приобретает черты самоотрицания. Оказавшись в мае 1922 года в Берлине уже в качестве беженки, М.И.Цветаева испытала ощущение пустоты, скуки, чуждости и от города, и от окружения, а об атмосфере в эмигрантском Берлине отзывалась как о давящей. А в творчестве Цветаевой, по ее собственному выражению, заметна «лютая любовь к Германии»⁹.

Немецкая столица не любила, но для высланных и бежавших из России она все же стала местом более или менее благополучной, не бедной, сытой жизни, где и творческая, культурная жизнь русской эмиграции в начале 20-х годов забила ключом¹⁰. Преимущества, которые давал для эмиграции Берлин, использовались с лихорадочной энергией, но по-настоящему не ценились – этот первый пункт изгнания рассматривался лишь как порог, остановка на скучной пересадочной станции на пути в другие места. При этом в Берлине начала 20-х годов была возможность открыть и было открыто множество русских издательств¹¹, книготорговых фирм, русских кафе, ресторанов, русские обрели свободу самовыражения, возможность объединяться в профессиональные союзы. Лихорадочная творческая активность, не приносившая, однако настоящих творческих плодов – публиковались произведения, написанные раньше, издавались собрания сочинений, газеты, проводились собрания.

⁹ Письмо М.Цветаевой А.Бахраху от 9 июня 1923 г., Мокропы // Бахрах А. Письма Марины Цветаевой // Мосты. Мюнхен. – 1960. – № 5. – С. 299 – 318, 305.

¹⁰ О жизни русских в Берлине 20 – 30-х гг., в частности, о жизни и творчестве русских писателей первой волны эмиграции уже много написано (среди прочего необходимо назвать антологию «Russen in Berlin. Literatur. Malerei. Theater. Film. 1918 – 1933». (Herausgegeben von Fritz Mierau. Leipzig, 1991), статью Карла Шлегеля «Берлин: «Мачеха российских городов» в сборнике «Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941». (Hrsg. von Karl Schlögel. München, 1994), его же монографию (Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). – М.: 2004).

¹¹ Издательство Э.Гржебина, задумавшего заполнить Россию книгами; издательство И.П.Ладыжникова; издательство «Слово», основанное В.Д.Набоковым; издательство «Геликон» молодого Вишняка; издательство «Грани», основанное А.Чёрным, издательство «Манфред», редактор В.Корвин-Пиотровский. Ещё одно издательство, самоопределившееся именно в Берлине благодаря высланным из России философам, – «УМСА-Press» – станет известным уже во Франции. Всего русских издательств, открытых в Берлине в начале 20-х гг. насчитывалось до 80.

Берлин 20-х годов XX века образовал среду для удивительных процессов: эмигранты подчёркнуто и даже как-то неестественно дружно объединялись, группировались, сближались друг с другом, обособляя себя тем самым от чужой культуры, скучного немецкого города, от далекого от них по мировосприятию немецкого бюргерства. Характерно, что и для многих немецких интеллектуалов этой эпохи, например, поэтов и художников экспрессионизма, Берлин тоже был чужим: «городом боли мрачных времен отчаяния»¹² назвал его Бехер, а Вольфенштайн – писал о немоте, глухом одиночестве запертых в пещере¹³, тема одиночества и чужести – одна из центральных в поэзии экспрессионизма¹⁴. Писательская эмиграция, стремясь сохранить свою культурную идентичность, воссоздавала привычную для себя среду дореволюционного времени, возрождая формы литературного быта: кружки, объединения, дом искусств, клуб писателей; общение, встречи, устройство написанных вещей в издательства, газеты, журналы¹⁵.

Поначалу в этой берлинской среде не было границы между эмигрантской и советской литературой – это был самый последний момент, когда русская литература еще могла оставаться единым культурным целым. Но очень скоро между представителями различных течений наметились непримиримые противоречия, и с каждым годом это неприятие обострялось, пропасть увеличивалась. К середине 20-х годов многие литераторы перебираются в другие страны, в русской культурной жизни Берлина

наступает затишье, а к середине 30-х, после прихода к власти Гитлера, она замирает совсем.

Несмотря на то, что Германия так и не стала для русских эмигрантов духовно близкой страной, какой была, скажем, для многих Италия, Берлин в начале 20-х годов являлся тем «порогом», на рубеже которого писатели из России делали выбор: местом постоянного пребывания должна была стать чужая страна. Психологически порог был именно местом ожидания, выбора и решения. Эмигранты искали возможности поскорее оставить Берлин, эту серую раму изгнания, многие стремились уехать в Париж, – город, как им казалось, более благоприятный для творческой деятельности. Это стремление поддерживало ухудшающееся в Германии экономическое положение. Однако Париж оказался для многих из них последней станцией, тупиком – рамой, перечеркнувшей многие ожидания.

¹² *Becher J. Berlin // Menschheitsdämmerung. Symphonie jünger Dichtung. Hrsg. Von Kurt Pinthus. Berlin, 1920. – S.9.*

¹³ *Wolfenstein A. Städter // Ibid. – S.10.*

¹⁴ *Пестова Н.В. Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести. – Екатеринбург: 1999.*

¹⁵ Официальным центром русской культурной жизни в Берлине считался Дом искусств. Он был местом встреч писателей и с «совдеповским» паспортом (Б.Пастернак, В.Маяковский, С.Есенин), и тех, для кого эмиграция была временным явлением (А.Толстой, И.Эренбург, В.Шкловский), – И.Кудрова назвала их «туристами» (*Кудрова И.В. Версты, дали ... Марина Цветаева: 1922 – 1939. – М.: 1991. – С. 12*); выступали в нем и эмигранты (В.Ходасевич, М.Цветаева, Ю.Айхенвальд). В Берлине существовал и «Союз русских писателей и журналистов», проходили заседания Клуба писателей (под председательством Б.Зайцева).

BERLIN OF THE EARLY 20S OF THE 20TH CENTURY IN PERCEPTION OF THE RUSSIAN EMIGRATION

© 2012 N.T.Rymar², S.V.Somova¹

¹Samara State University

²Samara Regional State Academy (Nayanova)

Psychological complex of the border, frame and threshold in perception of Berlin by Russian emigrants of the early 20s of the 20th century: a favorable atmosphere for life and activity of the emigrants and their aspiration for leaving Berlin.

Key words: psychological perception of border, foreign culture, Russian Berlin, preservation of cultural identity, threshold, frame.

^o *Nikolay Timofeevich Rymar, Doctor of Philology, Professor of the chair of Russian and foreign literature.*

E-mail: Nikolaj.Rymar@gmail.com

Svetlana Vladimirovna Somova, Candidate of Philology, Head of the chair of public relations theory and practice, dean of the international relations department. E-mail: ntrymar@mail.ru